

ИСКУССТВО ВЛАСТИ ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ МИРА

Большинство наших соотечественников знают Армана Жана дю Плесси герцога де Ришельё, кардинала Франции только из художественной литературы. Александр Дюма был большим писателем, но еще больше — свободолюбивым французом. В свои отрицательные персонажи он выбирал прежде всего тех, кто, по его мнению, эту французскую свободу личности во всех ее проявлениях долгие века ограничивал. Неудивительно, что кардиналу Ришельё и другим могущественным представителям Церкви в произведениях Дюма доставалось как никому другому. В бессмертном романе «Три мушкетера» литературный кардинал Ришельё — ходульный злодей, интриган, неудачливый любовник, бездарный поэт, который на фоне благородных мушкетеров выглядит мелко и комично.

В жизни все было несколько иначе, однако не менее интригующе. Действительно, у исторического кардинала Ришельё друзей было немного, зато врагов — хоть отбавляй. Однако даже враги хорошо знали ему цену и говорили о нем не просто как о достойном противнике, а как об «одном из лучших людей, которых когда-либо знала не только Франция, но и вся Европа». И все потому, что герцог де Ришельё был блестящим, а может быть даже великим, кризис-менеджером. Этот современный термин как нельзя лучше подходит первому министру Франции, жившему четыре столетия назад. Ришельё занял высший государственный пост своей страны в тот период, когда она находилась в политическом тупике, а дела государства пришли в полнейшее расстройство. Несколько лет его правления — и ситуация коренным образом изменилась: распри и заговоры придушены, экономика и финансы стремительно крепнут, Франция становится мощным игроком на международной арене.

Ришельё как великий правитель сделал политику политикой и заставил ее служить не идеологии, а делу процветания государства. Первый министр Ришельё не был ни идеальным человеком, ни идеальным правителем. Он умел быть жестким и часто жестоким, добивался поставленных целей, не забывал и о своекорыстных интересах. Но все же главным смыслом его жизни и деятельности была Франция.

И потому этот человек мог сказать с полным правом:
«Моей первой целью было величие короля,
моей второй целью было могущество королевства»...

Арман-Жан дю Плесси,
герцог де Ришельё
(1585—1642)

АРМАН-ЖАН ДЮ ПЛЕССИ,
ГЕРЦОГ ДЕ РИШЕЛЬЕ
МЕМУАРЫ
«КРАСНОГО ГЕРЦОГА»

Иллюстрированное издание

Москва
2026

В. Л. Ранцов
КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЁ

ВВЕДЕНИЕ

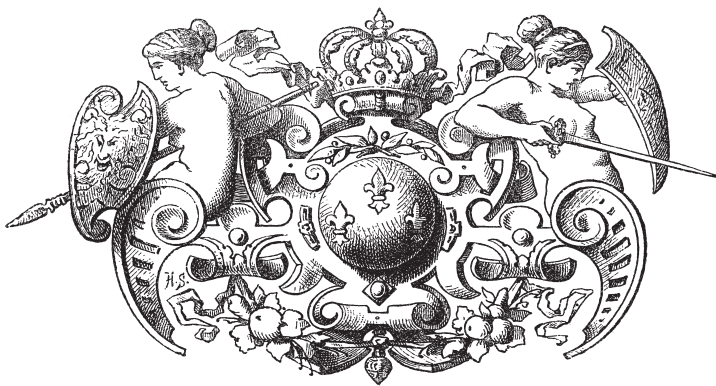
*И*сторические деятели, на долю которых выпадает неблагоприятная задача окончательного сведения счетов с давно установившимися порядками, без сомнения, не могут надеяться на справедливую оценку со стороны современников. Неудивительно поэтому, что кардинал Ришельё был при жизни и в первое время после смерти предметом то величайших похвал, то самых жестоких порицаний. В мемуарах современников великого кардинала говорит или желчная ненависть, или восторженное поклонение. Протестантские писатели не признают в нем ни талантов, ни даже способностей и умышленно закрывают глаза на услуги, несомненно оказанные им Франции. Католикам Ришельё представляется, в свою очередь, гениальнейшим государственным деятелем, одаренным политической мудростью, беспрецедентной в летописях истории. Необходимо заметить, впрочем, что даже и новейшие историки в отзывах своих о Ришельё зачастую не выказывают надлежащего беспристрастия. Сторонники либеральных учреждений обвиняют его в том, что он не воспользовался выгодами своего положения для установления во Франции конституционных порядков, а вместо того, сломав феодальную аристократию, уничтожил единственное препятствие, способное хоть сколько-нибудь сдерживать королевскую власть в некоторых границах. Утверждают даже, будто он стремился к усилению монархической власти именно только потому, что король Людовик XIII был в его руках послушным орудием.

Легитимисты видят, в свою очередь, в Ришельё предтечу революции. Его обвиняют в том, что он, сам того не сознавая, подготовил ее и таким образом обнаружил непростительное отсутствие дальновидности.

В несравненно меньшей степени расходятся отзывы о нравственных принципах, которыми руководствовался Ришельё как в государственной деятельности, так и в частной жизни. Даже самые восторженные поклонники великого кардинала не решаются рисовать нравственный его облик в сколько-нибудь привлекательном виде, враги же изображают его совершенным чудовищем. На самом деле кардинал Ришельё был, с точки зрения этического развития, характерным представителем своего века. С другой стороны, нельзя отрицать, что он всегда и во всем ставил свои личные интересы на первое место. Именно

только эти личные интересы заставили его разойтись с партией, поддерживающей испанскую политику, преданным сторонником которой он был в первое время. Возгоревшаяся затем борьба с этой партией дала Ришельё случай выказать большую силу характера и недюжинные дарования. Необходимо заметить, впрочем, что он не задавался в своей государственной деятельности отдаленными видами, а всегда стремился к достижению ближайших возможных целей. Это объясняется, быть может, тем, что у него самого почва под ногами все время колебалась. Среди забот о внутренних и внешних государственных делах Ришельё постоянно должен был помышлять о самозащите. Бесхарактерность и подозрительность Людовика XIII делали положение первого его министра до чрезвычайности непрочным. Ришельё приходилось поэтому непрерывно держаться настороже и вести упорную борьбу со своими явными и тайными врагами: матерью Людовика XIII — Марией Медичи, супругой его — Анной Австрийской, братом короля — Гастоном Орлеанским и многочисленными их приверженцами. Борьба эта велась с обеих сторон самым беспощадным образом. Противники Ришельё не гнушались убийством, так что жизнь его неоднократно подвергалась серьезной опасности. Неудивительно, что и он, в свою очередь, зачастую обнаруживал крайнюю жестокость и неразборчивость в выборе средств.

Ришельё был дворянином с головы до пят и всецело разделял презрение, с которым в его время дворянство относилось к простонародью. Если он сломил во Франции феодальную аристократию, то единственно лишь вследствие усердного участия наиболее выдававшихся ее представителей в интригах и заговорах против него лично. Кардинал Ришельё несомненно обладал большой дозой веротерпимости, позволявшей ему поддерживать в Германии протестантов непосредственно в ущерб интересам Католической Церкви. Если в самой Франции он вел войну с гугенотами, то руководствовался при этом чисто политическими побуждениями. Враги кардинала объясняли его веротерпимость полнейшим равнодушием к религиозным вопросам и, может быть, в данном случае не особенно ошибались. Нельзя отрицать, однако, что государственная деятельность Ришельё, независимо от руководивших им личных мотивов, принесла громадную пользу не только Франции, но и вообще всей Европе. Благодаря Ришельё рушилась гегемония Испании и Австрии, угрожавшая распространить власть инквизиции на всю Западную Европу. История должна поэтому признать, что кардинал Ришельё фактически оказал делу цивилизации крупную услугу.

ГЛАВА I

МОЛОДОСТЬ РИШЕЛЬЁ И НАЧАЛО ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Арман Жан дю Плесси, кардинал и герцог Ришельё, родился в Париже 9 сентября 1585 года. (Отец его, Франсуа дю Плесси, принадлежал к старинной дворянской фамилии и в награду за услуги, оказанные королю Генриху III, был пожалован орденом Св. Духа, считавшимся в то время весьма почетным отличием. Впоследствии, при короле Генрихе IV, он отличался блистательной храбростью на полях битв и состоял в чине капитана королевских телохранителей. Он умер в 1590 году, оставив после себя трех сыновей и двух дочерей.

Мать будущего великого кардинала предназначала его сперва к военной службе. Тем не менее он получил по тогдашним временам чрезвычайно хорошее образование, изучал в Лизье риторику и философию, а затем поступил в военное училище, где успел уже добиться больших успехов в фехтовании и верховой езде, когда домашние обстоятельства побудили его отказаться от военной карьеры и перейти в духовное звание. Дело в том, что Люсонское епископство, бывшее в последнее время наследственным в семье дю Плесси, неожиданно оказалось вакантным. Король Генрих IV назначил епископом юного Армана, которому в то время шел только двадцать второй год и, следовательно, еще не исполнилось возраста, требуемого церковными законами для посвящения в епископский сан. Это не помешало ему, однако, немедленно отправиться в Рим. Папа Павел V, выслушав речь, произнесенную на латинском языке юным дю Плесси, рукоположил его в епископы. Арман был в это время до такой степени бледен и худощав, что казался моложе своих лет. Когда он преклонил пред Папой колена, Павел V, как уверяют, спросил его:

— А вы достигли уже возраста, требуемого церковными уставами?

— Точно так, ваше святейшество, — отвечал будущий кардинал, кладя пред Папой земной поклон.

По окончании священного обряда дю Плесси пал ниц пред Папой и воскликнул:

— Ваше святейшество, отпустите мне великий грех, я ведь не достиг еще надлежащего возраста!

Дав юному епископу требуемое отпущение, Папа обратился к своим приближенным и сказал:

— Из этого молодого человека выйдет недюжинный плут. Он далеко пойдет!

Может быть, Папа предвидел тогда, что Арман дю Плесси не удовлетворится епископским саном.

Во Франции Париж уже и в XVII столетии являлся могущественным притягательным центром для искателей приключений и честолюбцев. Епископы следовали примеру остальной знати и возвращались в свои епархии, только когда навлекали чем-нибудь на себя опалу. Ришельё, приехав в Париж, в первое время продолжал научные занятия. Блистательно сдав экзамен в Сорбонне, он получил в 1607 году ученую степень доктора богословия. Король Генрих IV покровительствовал дю Плесси, которого называл своим епископом, и охотно слушал его проповеди, отличавшиеся от поучений модного тогда проповедника, патера Андре, приличным тоном и основательным знакомством со Св. Писанием. Дю Плесси сознавал, однако, что уже вследствие молодости не может играть при дворе сколько-нибудь влиятельную роль. К тому же, обладая сравнительно очень небольшим состоянием, он понимал безнадежность соперничества с богатой аристократической молодежью, щеголявшей роскошными костюмами и экипажами. Двадцатитрехлетний епископ предпочел поэтому вернуться в свою епархию, причем занял для въезда в Люсон карету, лошадей и кучера у одного из своих приятелей, так как придавал большое значение представительности. Естественно, что он чрезвычайно тяготился бедностью, не позволявшей ему обзавестись соответственным штатом прислуги, порядочной мебелью и экипажами.

Вступив в управление епархией, дю Плесси сразу выказал большие административные способности. За какие-нибудь пять лет он не только отстроил заново церкви, разрушенные во время религиозных войн, но и обзавелся серебряной посудой, без которой человеку его сана и происхождения неприлично было, как он полагал, садиться за обед. Вместе с тем юный епископ обдумывал будущую свою карьеру и выработывал обстоятельный план действий на случай возвращения ко двору. Имея обыкновение письменно излагать мысли по особенно интересовавшим его вопросам, он составил тогда для себя самую подробную инструкцию, озаглавленную: «Наставления и правила, которыми я намерен руководствоваться, когда буду состоять при дворе». Этот любопытный документ прекрасно очерчивает программу будущего великого кардинала.

Дю Плесси решил, что в первое время будет являться во дворце ежедневно, чтобы произвести таким усердием на короля желаемое впечатление. Потом можно посещать его величество и пореже, например раз в неделю. «При этом необходимо принять во внимание, что королю нравятся лишь те из приближенных, которые обращаются с ним смело и свободно, не выходя, однако, из границ должного уважения. Надлежит почаще повторять королю, что только обстоятельства вынуждают меня ограничиваться оказанием маловажных услуг и что для верноподданного нет ничего трудного или невозможного на службе у такого доброго государя и такого великого монарха... Важнее всего наблюдать, откуда

Филипп де Шампань. Тройной портрет кардинала Ришельё.
1637 (1642?) г.

именно дует ветер, и не мозолить королю глаза, когда он в дурном расположении духа». Юный епископ, всесторонне обсуждая вопрос, каким образом надо держаться с королевскими любимцами и фаворитками, приходит к убеждению, что их следует посещать «ввиду необходимости приносить жертвы как добрым, так и злым богам: первым — для того чтобы помогали, последним — чтобы не делали зла». При дворе следует «воздерживаться от многоглаголения и как можно внимательнее слушать, отнюдь не дозволяя себе принимать рассеянного, равнодушного или меланхолического вида; напротив того, надо выказывать живейшее сочувствие к предмету, о котором идет речь, но проявлять это сочувствие более вниманием и молчанием, чем словами, или жестах одобрения. Особенно важно заручиться расположением таких служащих, которые в чем-либо могут пригодиться». К числу их принадлежат, между прочим, почталыоны. «Письма, которые опасно сохранять, следует немедленно сжигать» и т. п. В заключение дю Плесси рассматривает случаи, когда «необходимо прибегать к притворству и лести».

Тем временем Генрих IV пал от руки убийцы (14 мая 1610 года), и люсонскому епископу пришлось ехать в Париж, чтобы присягнуть на верность

королеве-регентше Марии Медичи. Полгода спустя он вернулся опять в свою епархию. Материальное его положение хотя несколько и улучшилось, но все-таки он продолжал нуждаться в деньгах. В 1614 году Мария Медичи созвала генеральные штаты, и дю Плесси снова прибыл в Париж в качестве депутата от духовенства. Во время совещаний он, несмотря на молодость, сумел приобрести до такой степени доверие сотоварищей, что ему было поручено представить королю в день открытия заседаний докладную записку от лица всего духовного сословия. Люсонский епископ обратился при этом к Людовику XIII с речью, свидетельствующей как об его ораторских способностях, так и о решимости не пренебрегать никакими средствами для достижения намеченной цели. Вся Франция была в то время возмущена правлением Марии Медичи и ее фаворита, итальянца Кончини, пожалованного без всяких военных заслуг в маршалы. В совещаниях генеральных штатов депутаты жаловались на общую неурядицу и полное расстройство финансов. Уступчивость королевы-регентши по отношению к испанской политике вызывала общее неудовольствие.

Несмотря на это, Арман дю Плесси в своей речи осыпал Марию Медичи и ее систему управления государством незаслуженными похвалами. Речь эта послужила первой ступенью к будущей политической карьере люсонского епископа, так как юный король и регентша с благосклонным вниманием выслушали оратора. Мария Медичи не замедлила вознаградить ревностного своего апологета. В начале 1616 года Ришельё был назначен штатным священником при дворе молодой королевы Анны Австрийской и поселился в Париже, где купил себе дом против церкви монастырского подворья Blancs-Manteaux; в том же году он был зачислен в государственный совет и назначен секретарем в кабинет Марии Медичи, удостоившей избрать молодого, изящного и ловкого епископа своим фаворитом. Материальное положение Ришельё значительно улучшилось, так как ему ассигновали 6 тысяч ливров (10 тысяч рублей) на расходы «по служебному положению».

Тем временем между гугенотами происходили серьезные волнения, начавшиеся тотчас же по обнародовании манифеста о предстоявшем бракосочетании Людовика XIII с Анной Австрийской и сестры его, принцессы Елизаветы, с принцем Филиппом Испанским. К недовольным примкнули многие влиятельные вельможи, желавшие воспользоваться этим случаем, чтобы низвергнуть ненавистного им Кончини.

В это смутное время Кончини возложил на дю Плесси сперва конфиденциальные переговоры с герцогом Неверским, а затем поручил ему же портфель военного министерства и министерства иностранных дел с годовым окладом в 17 тысяч ливров (30 тысяч рублей). Сан епископа обеспечивал ему председательство в государственном совете. Всемогущий в то время Кончини и его жена покровительствовали дю Плесси, перед которым открывалась тогда уже, по-видимому, самая блестящая карьера, но судьба решила иначе.

ГЛАВА II

ПЕРВОЕ МИНИСТЕРСТВО РИШЕЛЬЁ.— ОПАЛА.— КАРДИНАЛЬСКАЯ ШАПКА.— ВТОРИЧНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В МИНИСТЕРСТВО

*Б*ез сомнения, никто не подозревал, что новый министр, достигший власти при помощи испанской партии, сделается со временем самым опасным противником Габсбургов. Действительно, в 1616 году Ришельё так пламенно разделял симпатии Марии Медичи и Кончини, что посол Филиппа III отзывался о нем как о самом искреннем стороннике Испании. На этот раз люсонский епископ недолго держался в министерстве и не успел ознаменовать свое управление никакими важными мероприятиями. Деятельность его как военного министра была парализована недостатком в деньгах, доходившим до того, что перед самой катастрофой 24 апреля 1617 года он принужден был выдать из собственных средств 3 тысячи рублей для уплаты жалованья войскам.

В качестве министра иностранных дел Ришельё деятельно хлопотал о заключении союза с протестантскими государствами, чтобы лишить мятежных французских католиков и протестантов убежища за границей. «Суть дела не в религии, а в неповиновении, — писал люсонский епископ, — король желает одинаково относиться ко всем своим подданным без различия исповеданий, но вместе с тем требует, чтоб и католики и протестанты не уклонялись от исполнения верноподданнических обязанностей».

24 апреля 1617 года капитан королевских телохранителей Витри, получив приказание арестовать Кончини, убил его во дворце, после чего Людовик XIII вступил сам в управление государством. Накануне, вечером, люсонский епископ получил анонимное письмо, в котором его извещали о заговоре против Кончини. Ришельё сперва задумался, а потом положил письмо под подушку и заснул. Понимая, что душою заговора был сам король, он считал опасным для себя вмешиваться в дело и даже не нашел нужным предупредить своего «друга и благодетеля» о надвигавшейся грозе. Новое министерство, составленное герцогом Люинем, следовало политике Генриха IV, прямо противоположной видам Марии Медичи и Ришельё.

Спустя всего лишь несколько часов после трагической смерти Кончини, Ришельё явился в Лувр, чтобы участвовать в заседании государственного совета, но получил от короля повеление удалиться от двора и более не вмешиваться в государственные дела.

— Наконец-то мы избавились от вашей тирании! — воскликнул Людовик XIII, не подозревавший, что вскоре безропотно ей подчинится.

При таких обстоятельствах опальному епископу не оставалось иного выбора, как разделить изгнание королевы-матери в Блуа и ожидать там вместе с ней лучших времен. Впрочем, он предварительно навестил нового премьер-министра Люиня, поздравил его и уверил, будто едет с бывшей регентшей, «чтобы подавать ей благие советы и доносить о всех ее намерениях и поступках». Однако присутствие в Блуа такого ловкого дипломата, как Ришельё, начало беспокоить короля и Люиня. Люсонскому епископу велено было вернуться в свою епархию. Ришельё немедленно повиновался и как будто совершенно погрузился в богословские исследования. Поселившись в аббатстве Куссе, он написал объемистое сочинение под заглавием «Защита главных положений католического исповедания против докладной записки, поданной на высочайшее имя четырьмя шарантонскими пасторами». Сочинение это доставило ему репутацию одного из самых выдающихся апологетов католицизма. Но эти богословские занятия не удовлетворяли честолюбивого прелата. Он обратился к королю с всеподданнейшей просьбой, в которой уверял в неизменной преданности своей престолю и отвращении от политических интриг. Несмотря на эти уверения, король и первый министр имели основание подозревать люсонского епископа в тайных сношениях с Марией Медичи и выслали его из французских пределов в Авиньон. Тем временем бывшая регентша самовольно удалилась из Блуа в Ангулем и начала набирать там войска, начальство над которыми поручила герцогу Эпернону. Франции угрожала междоусобная война. Ввиду такого критического положения Людовик XIII вызвал Ришельё из Авиньона и отправил в Ангулем к королеве-матери. Люсонский епископ добился желаемого соглашения, но оно оказалось непрочным и через год междоусобная война возгорелась с новой силой. Только после поражения армии королевы при Пон-де-Се удалось примирить Марию Медичи с сыном. В награду за это Людовик XIII обещал исходатайствовать у Павла V кардинальскую шляпу для Ришельё. Мир между королем и его матерью был скреплен женитьбой племянника герцога Люиня на племяннице люсонского епископа. Свадьбу торжественно отпраздновали в покоях молодой королевы, а брачный контракт был подписан в Лувре в кабинете королевы-матери. Тем не менее только смерть Люиня возвратила Марии Медичи прежнее влияние и доставила Ришельё возможность вступить в государственный совет. Не доверявший ему Людовик XIII, по настояниям Люиня, просил Папу не обращать внимания на представления французского посла о возведении люсонского епископа в сан кардинала.

Герцог Люинь никогда не командовал армиями, но тем не менее состоял в чине коннетабля, то есть генералиссимуса. Он по своей бесхарактерности и опрометчивости был как нельзя более под стать самому королю и, вместо того чтоб энергически противодействовать замыслам Испании и Австрии, помогал их осуществлению, вызвав междоусобную войну в самой Франции.

По совету своего премьер-министра Людовик XIII нарушил статью Нантского эдикта*, оставлявшую в руках беарнских гугенотов захваченное ими во время религиозных войн католическое церковное имущество. Гугеноты взялись за оружие. Сам король двинулся на них с армией, предводимой шестью маршалами, и обложил укрепленный протестантами город Монтобан, но вынужден был снять осаду и отступить. Неудачный исход кампании подорвал авторитет герцога Люиня в глазах короля. Это так подействовало на герцога, что он умер, как уверяют, «от тревоги и огорчения».

После него во главе министерства стал принц Конде, вскоре утративший, однако, расположение Людовика XIII. Напротив того, Мария Медичи, следуя советам Ришельё, мало-помалу вернула себе доверие сына. По ее настояниям люсонский епископ получил наконец в 1622 году давно обещанную кардинальскую шляпу и вскоре после того отказался от Люсонской епархии. Высокомерие принца Конде сильно раздражало его сотоварищей по министерству. Король, в свою очередь, был недоволен безуспешностью все еще продолжавшейся войны с гугенотами. Мария Медичи приобретала, благодаря этому, все большее значение в государственном совете. Сблизившись с влиятельнейшими из министров, королева-мать обещала им не допускать кардинала Ришельё до непосредственного участия в государственных делах, после чего министры Брюлар и Пюизье открыто приняли ее сторону.

Ришельё тем временем благоразумно ступал, чтобы не возбуждать подозрения в министрах, чувствовавших в нем опасного соперника.

Следуя программе действий, начертанной ее фаворитом, королева-мать всячески старалась щадить самолюбие царственного своего сына, который, постоянно нуждаясь в опеке, имел вместе с тем, подобно большинству бесхарактерных людей, большие притязания на самостоятельность.

Когда принц Конде совершенно утратил доверие короля, прочие министры, по соглашению с Марией Медичи, убедили Людовика XIII пригласить в государственный совет маркиза Вьевилля. Новый министр начал с того, что уговорил короля сформировать новый кабинет. Отставка прежнего министерства была окончательно решена на конфиденциальном совещании между королем, его матерью, Вьевиллем и Ришельё. Вьевилль стал первым министром, но Людовик XIII был еще слишком предубежден против Ришельё, так что не позволил включить его в состав кабинета. Тем не менее честолюбивый кардинал был вполне уверен, что благодаря поддержке королевы-матери будет в самом непродолжительном времени призван к кормилу правления. Действительно, вскоре выяснилось, что Вьевилль не в силах справиться с возроставшими осложнениями внутренних государственных дел и внешней политики.

Людовик XIII не отличался блестящим умом, но тем не менее обладал достаточной дозой здравого смысла, чтоб понимать необходимость для Франции противиться всякому дальнейшему усилению могущества Испании и Австрии.

* *Нантский эдикт* — указ, изданный королем Генрихом IV в 1598 г. в целях прекращения религиозных конфликтов и законодательно устанавливающий статус протестантов (гугенотов) во Франции.

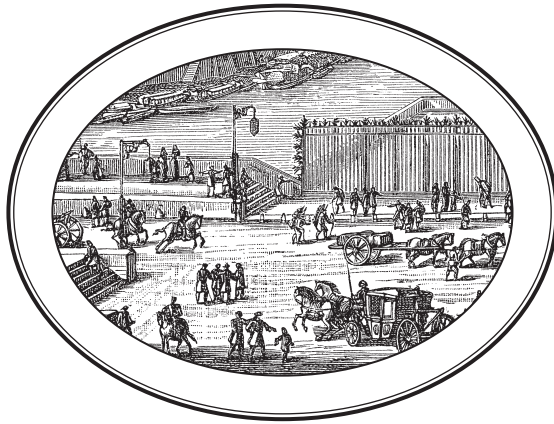
Обе эти державы, монархи которых были соединены тесными родственными узами, действовали с таким единодушием, как если бы представляли собою одно неразрывное целое. К счастью для Европы, между австрийскими и испанскими владениями существовала чересполосность, препятствовавшая армиям Филиппа III и Фердинанда II соединиться в одну подавляющую громаду вооруженных сил. С целью устранения этой чересполосности, испанцы решили завладеть Вальтелинской долиной, лежащей между озером Комо и Тиролем. Долина эта, населенная по преимуществу католиками, находилась в вассальной зависимости от Граубюнденских кантонов, отличавшихся своей приверженностью к Реформации. Губернатор испанских владений в Италии, герцог Ферия, пользуясь религиозной враждой между католиками и протестантами, убедил вальтелинцев прибегнуть к покровительству Испании, ввел в долину испанские войска и построил там несколько укреплений. Таким образом, ему удалось установить прямое, хотя и не особенно удобное сообщение между испанскими и австрийскими владениями.

Франция ограничивалась одними только протестами против этого захвата. Испанское правительство, убежденное в том, что французские протесты не будут поддержаны объявлением войны, оставляло их без внимания. Вместе с тем, однако, оно всячески старалось поддерживать неурядицу во Франции и не жалело денег на субсидии вождям непрерывно возгоравшихся там восстаний против королевской власти.

Падение ла Вьевилля значительно ускорило памфлет, озаглавленный «Голос общества к королю». Автор этого памфлета, аббат Фонкан Болье, состоял в близких сношениях с Ришельё, зачастую прибегавшим к его перу для распространения печатных пасквилей против министров. Кардиналу было известно, что Людовик XIII охотно читал такие пасквилы и принимал их до известной степени во внимание. Фонкан в своем памфлете, написанном в сотрудничестве с самим Ришельё, обвинял Вьевилля в лихоимстве, превышении власти и прямом неповиновении королю. Вместе с тем он указывал на кардинала как на единственного человека, способного вывести Францию из затруднительного положения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Ранцов. Кардинал Ришельё</i>	5
<i>Арман Жан дю Плесси, Кардинал герцог де Ришельё. МЕМУАРЫ.</i>	
<i>Перевод Т. В. Чуговой</i>	63

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Екатерина Городилина. О политическом завещании Ришельё</i>	365
<i>Александр Дюма. Жизнь Людовика XIV</i>	379

